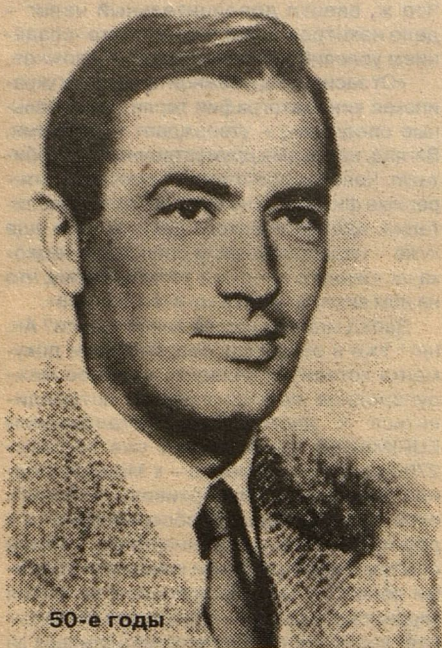

СТАРЫЙ ГРИНГО ГРЕГОРИ ПЕК

50-е годы

Когда в очередной раз по телевидению идут «Римские каникулы» или «Снега Килиманджаро», тысячи зрителей собираются у экранов, и старшие, показывая молодежи на Грегори Пека, поясняют, что это любимый артист их молодости. Да, мистер Пек сегодня не молод: как говорится, «звезда на пенсии», но он по-прежнему в строю, и совсем недавно мы имели возможность увидеть его в новой экранизации «Моби Дика». В начале апреля актер отметил свое 85-летие.

— Как вы ощущаете возраст, мистер Пек?

— Знаете, изумительный актер Джеймс Мейсон рассказал мне одну историю. Однажды ночью он вышел на улицу. Был туман, он надел пальто, шляпу, очки, шел медленно, в полной уверенности, что никто его не узнает. Вдруг рядом с ним появилась какая-то маленькая старушка, которая набралась храбрости, тронула его за рукав и спросила: «Простите, сэр. Вы, случайно, не Джеймс Мейсон в старости?». Да, приходит старость и нужно уступать место другим. Я стар и понимаю, что это вполне естественно.

— Вы много лет работали со знаменитым голливудским продюсером Дэвидом Селзником, поставившим «Унесенные ветром». Расскажите об этом.

— Когда в юные годы ты собираешься заняться актерской деятельностью, то семья говорит, что ты сошел с ума, что это нестоящая профессия, ненадежное дело. Действительно, нужно быть авантюристом, чтобы влезть в это дело. А уж работать с Селзником — все равно что ходить по лезвию бритвы. Фильмы, которые я делал с ним, всегда нравились публике. У него были хорошие режиссеры, сценаристы, актеры, декорации, он был на вершине славы, но ему все было мало. Дэвид был как большой ребенок, он носился со своей студией, как с игрушкой. Он всегда переписывал диалоги в сценарии за день до съемок, хотя все всех устраивало. Но ему необходимо было сделать «последнее прикосновение Сэлзника». Он сидел всю ночь в офисе в рубашке и брюках, усыпанных пеплом от сигарет, и переписывал диалоги для завтрашней съемки. В 7.30 утра тебя гримировали и вручали 10 страниц сценария. И, честно говоря, это не всегда был улучшенный вариант. Но именно с этим ты должен был работать. Ничего не оставалось, как отправиться в свой трейлер и пару часов заучивать новый текст. А на съемочной площадке в это время — тишина...

Или другой пример чрезмерного энтузиазма Дэвида. В горах близ Таксона мы снимали «Дуэль на солнце». В конце фильма мы с героиней стреляли друг в друга, хотя были безумно влюблены. Она пыталась приблизиться ко мне, я хотел заключить ее в свои объятия, прежде, чем умру — это было так драматично, с таким нервом, но тут появился Сэлзник и стал нас поливать из канистры какой-то «клюквенной кровью». Он не мог не нанести последний штрих и бегал туда-сюда, брызгал этой дрянью то на меня, то на актрису. И все же нельзя было не полюбить его за этот энтузиазм и полную поглощенность процессом создания фильма. Я никогда не думал о нем как о «финансовом воротиле», а только как о создателе фильмов. Работать с ним было забавно.

— Считают, что именно Селзник вас и открыл...

— Не хочу, чтобы это прозвучало как не-благодарность или проявление эгоизма, но должен сказать, что открыл себя я сам. Пока я шел к высотам профессии, были моменты, когда я ночевал в Центральном парке и оставлял свои немногочисленные вещи в камере хранения на Гранд Сентрал Стэйшн. Бывали моменты, когда у меня оставалось лишь 11 центов на обед и казалось, что нет смысла продолжать пробиваться на актерский Олимп и пора вернуться к отцу в его магазинчик. Но потом подступало упрямство и желание доказать, что я кое-что могу, и после окончания школы драматического искусства, я стал получать маленькие роли в постановках сезонных театров. Платили там очень мало, но с бродячими труппами я исколесил все Штаты, а потом случилась большая роль на Бродвее в пьесе Эмлина Уильямса «Утренняя звезда». Так что если Дэвид Сэлзник купил билет на этот спектакль и посмотрел меня в нем, что ж, можно сказать, что он открыл меня. Но я-то уже там был. В нашем деле, как и в любом другом, важно, чтобы ты оказался в нужное время в нужном месте, и чтобы там в этот момент появился кто-то вроде Селзника.

— Быть звездой — это кабала или свобода?

— Помню, Хэл Уиллис приходил посмотреть меня в пьесе и предложил 7-летний контракт. И Луи Мейер приходил, но мне не хотелось терять независимость и подписывать долгосрочный контракт. Так что большую часть времени я был на положении свободного художника, хотя время от времени подписывал контракты — то на три картины с Сэлзником, то на четыре с Дэррилом Зануком.

— Когда вы оглядываетесь на свою карьеру, то о чем прежде всего думаете?

— Когда прошел критический момент в моей жизни и посыпались предложения, наступили прекрасные моменты работы с блестящими режиссерами и актерами, появилось желание сделать что-то совершенное. Конечно, не всегда это удавалось. Из моих 60-ти с лишним фильмов не более, чем о 6-ти я могу сказать, что в них мы почти достигли совершенства. Было огромное количество лент, которые считались коммерчески успешными, и это давало возможность успешно развиваться моей карьере. Но были и картины, о съемках в которых можно только сожалеть... Сегодня я оглядываюсь назад с большей долей объективности: «Да, я сделал все, что мог. И можно даже гордиться некоторыми хорошими работами».

— Кого из классиков Голливуда вы вспоминаете?

— Особенно горжусь дружбой с Генри Кингом. Мы встретились на фильме «Ровно в 12 часов» в 1949 г. Я все еще учился быть актером, нащупывал свой стиль, пытался быть на экране достоверным, органичным, естественным, и вдруг появился Кинг, американский джентльмен из Вирджинии. Мне были близки его идеи, жизненные установки, у нас с ним был великолепный контакт, и я мог чувствовать себя перед камерой совершенно свободным. Пять из шести наших работ стали зрительскими хитами.

— Спрос влиял на предложения?

— Помню встречу с Дэррилом Зануком на студии «Фокс». Он хотел, чтобы я снялся в «Давиде и Вирсавии», библейском эпическом фильме с длинными диалогами. Я должен был играть иудейского царя Давида, который в юности победил гиганта Голиафа, и спросил: «Дэррил, неужели ты считаешь, что я гожусь для этого? Я не могу носить такую одежду и произносить длинные библейские речи». Дэррил посмотрел на меня, вытащил записную книжку, зачитал список фильмов, которые мы с ним сделали, сумму прибыли, что они принесли (в то время все фильмы были прибыльными), и сказал: «Я люблю тебя, но приглашаю в картины не поэтому, а потому что я в этом заинтересован, и ты будешь царем иудейским!». Но, справедливости ради, скажу, что я имел официальное право обсуждать с ним сценарий, одобрять или не одобрять его. Тут у меня появился энтузиазм, и мне захотелось прочитать 23-й псалом, который произносит мой герой. В результате мы сделали этот фильм.

— Вы довольно часто нарушали принятые каноны. Например, в вестерне «Стрелок» о Диком Западе того же продюсера Дэррила Занука...

— Перед работой над «Стрелком» мы с режиссером Генри Кингом посмотрели много книг и фотографий по истории Дикого Запады и обнаружили, что люди, жив-

шие на границе, носили не ковбойскую одежду, а то, что привезли из Бостона или Нью-Йорка. Они часто носили усы, бороды, и поэтому для сохранения аутентичности мне сделали длинные усы, надели какой-то чудной костюм, черную шляпу, и я стал совершенно не похож на типичных экранных ковбоев. Случилось так, что Дэрил в это время был в Европе, мы начали снимать без него и так собой восхищались, будто заново открыли Америку. Занук же, приехав, посмотрел отснятый материал, увидел меня в усах и взвился. Члены съемочной группы стали объяснять ему: «Это аутентично». А в ответ услышали: «Пошли вы к черту со своей аутентичностью. Этот актер – голливудский секс-символ, а вы разрушаете его имидж. Женщины не любят усаемых мужчин». Это сейчас вы видите в Голливуде всяких усаемых, патлатых и бородатых, а в те годы звезды должны были быть гладко выбриты. «Сколько будет стоить, чтобы переснять то, что вы тут надедали за две недели, без этих идиотских усов?» – задал вопрос Занук. Но когда выяснилось, во что это может вылиться, сдались: «Ладно, оставайся в усах». И мы были счастливы результатом. Каждый раз, когда Занук меня встречал, то говорил: «Твои крестинские усы принесли мне кучу денег!».

– *Что скажете о современных комедиях в сравнении со старыми голливудскими?*

– Некоторые мне нравятся. Например, фильмы Денни де Вито. Они смешные и прекрасно сделаны. Но многое изменилось. Если говорить о золотом веке Голливуда, то Кэри Грант и другие звезды той эпохи – из другого времени. Тогда была мода снимать «салонные комедии» – о людях другого социального слоя и финансового положения, более умных, богатых. Персонажи тех фильмов очаровательны: «Да, пожалуйста, еще чашечку кофе. Немного молока, благодарю...». 30-е и начало 40-х годов – это эра эксцентрических комедий. Они прелесть, и многие из них и сейчас хорошо смотрятся. Возможно, к этому стилю когда-нибудь вернутся, когда мы покончим с этой ядерной конфронтацией, больше займемся домашними проблемами, улучшим жизнь социальных низов. Комедии сразу станут более легкими, элегантными. Но мы живем в то время, в какое живем, и комедии отражают то, что мы переживаем. Сделать хорошую комедию гораздо труднее, чем трагедию. Я восхищаюсь теми, кто может это сделать.

– *В 1950 году вы получили звание лучшего экранного ковбоя...*

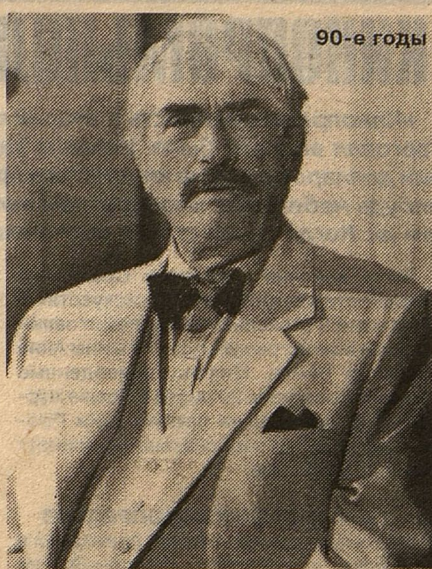
– Это случилось, когда я снялся в вестернах «Желтое небо» и «Стрелок»... Между прочим, легендарный киноковбой Джон Уэйн не был слишком рад соперничеству, он поглядывал на меня подозрительно: что, мол, за ковбой такой объявился? Он считал, что это звание «первого ковбоя» принадлежит ему навечно и постоянно подшучивал надо мной.

– *Но вам удавалось вести себя как подбавляет ковбою?*

– Однажды, когда мы снимали «Гринго», я упал с лошади. Сказать по правде, лошадь была смирной. Она спокойно стояла, но я как-то неловко сядилась, запутался в стремени и свалился. Тут же кто-то позвонил: «Мы слышали, ты упал с лошади, и съемки фильма остановлены?». Я не признался и гордо возмущился: «Как может лучший ковбой 1950 года упасть с лошади?»

– *Расскажите о секрете вашего долгого, почти полувекового, брака.*

– Я просто оказался в нужный момент в нужном месте и встретил совершенную девушку Веронику. Не хочу рисовать картину безупречной семейной жизни, устланной розами, но это очень хороший брак.

90-е годы

Мы любим друг друга и никогда друг от друга не устаем. Это все благодаря мудрости Вероники, ее здравому женскому смыслу и пониманию меня со всеми моими недостатками. Когда я ее встретил, мне было 36, я снимался в Европе. Когда закончились съемки, мой развод с первой женой все еще не был оформлен, но я очень хотел, чтобы Вероника приехала в Америку, где мы и планировали пожениться. Для меня было огромным удовольствием показать Нью-Йорк этой юной 19-летней леди. В один прекрасный день мы оказались на 44-й улице перед одним из театров. Я вылез из лимузина и налетел на старушку, которая ткнула в меня пальцем и, глядя на Веронику, выходящую из машины, сказала: «У, старый соблазнитель!». Между прочим, Вероника была достаточно зрелой для своего возраста и сама могла меня многому научить.

– *Какую страну вы вспоминаете с наибольшим удовольствием?*

– Мне трижды довелось работать в Мексике. Мексиканцы мне нравятся своим энтузиазмом, темпераментом. Когда были закончены съемки «Старого Гринго», где у меня была сложная интересная роль немолодого человека, который думает, что до сих пор может производить впечатление на юную леди, то осталось такое ощущение радости, что захотелось красиво проститься с мексиканской частью группы. И вокруг большого бассейна мы устроили пикник – смех, слезы, восторг! Единственное, чего я побаивался – что меня в шутку сбросят в воду, как это делали с другими. Но мексиканцы решили меня пощадить: наверное, решили, что я слишком старый или слишком важный.

– *Были ли у вас конкуренты?*

– Проблема была в том, что рядом все время крутился Кэри Грант, с которым нам предлагали роли одного плана. Однажды я спросил у режиссера, который делал шпионскую комедию «Арабеска» с Софи Лорен: «Скажи, почему не Грант снимался в «Арабеске», а я?». И он ответил: «Разумеется, я предлагал ему первому». Не знаю, почему он отказался... Наверное, мы не всегда можем верно оценить сценарий: я, например, отказался сниматься в отличном фильме «Ровно в полдень», потому что перед этим снялся в «Стрелке», где была похожая ситуация, и боялся, что будет повтор. Мне тогда внушили, что каждый раз нужно делать что-то новое. Роль блестяще сыграл Гэри Купер. Но кто бы мог сыграть эту роль лучше, чем он? Никто. Так что и сожалеть не о чем.

Морин ДРЭГОН, Лос-Анджелес

Клаудиа Кардинале и Грегори Пек